

Один доллар восемьдесят семь центов.
И всё, причём шестьдесят из этих восьмидесяти семи —
монетками достоинством в один цент.

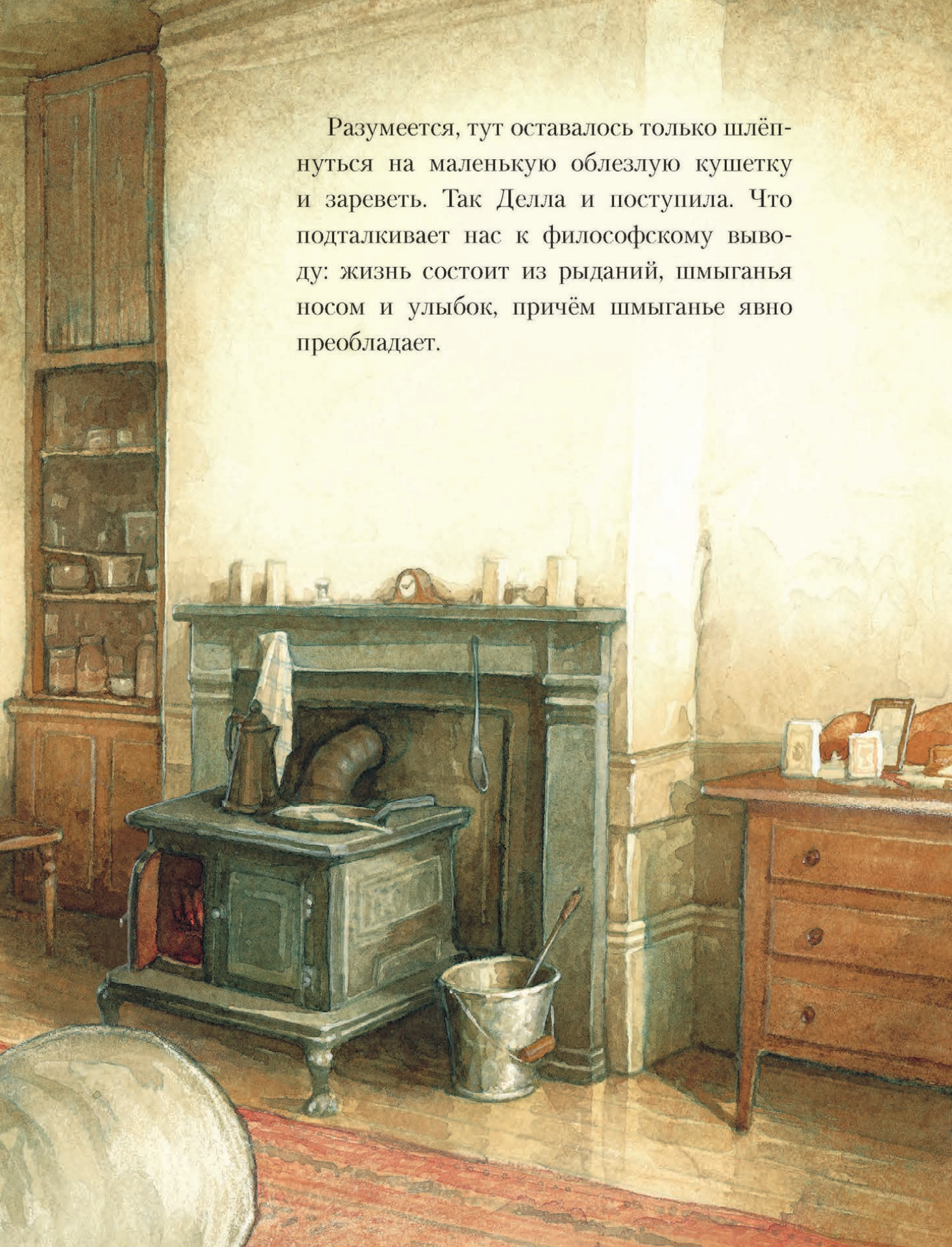
Монетками, сэкономленными по одной и по две в результате долгих препирательств то с мясником, то с зеленщиком, то с бакалейщиком — таких долгих, что щёки начинали гореть со стыда под их удивлёнными взглядами. Делла пересчитала свои сбережения трижды. Доллар и восемьдесят семь центов — а завтра уже Рождество!







Разумеется, тут оставалось только шлёпнуться на маленькую облезлую кушетку и зареветь. Так Делла и поступила. Что подталкивает нас к философскому выводу: жизнь состоит из рыданий, шмыганья носом и улыбок, причём шмыганье явно преобладает.





Покуда хранительница семейного очага постепенно переходит от первой стадии ко второй, давайте оглядимся по сторонам. Мы с вами в меблированной квартире, снятой в аренду за восемь долларов в неделю. Эпитет «жалкая» прозвучал бы грубовато, но любая более мягкая характеристика выглядела бы попыткой приукрасить действительность. Поэтому мы промолчим.

В вестибюле внизу имелся почтовый ящик, в который не влезло бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которого ни один смертный не смог бы извлечь ни звука. Под кнопкой красовалась табличка: «Мистер Джеймс Диллингем Янг».

«Диллингем» было поднято на флагшток в пору недавнего экономического процветания, когда обладатель этого имени зарабатывал тридцать долларов в неделю. Теперь, когда эта

цифра упала до двадцати, оно всерьёз подумывало о том, чтобы съёжиться в скромное и непритязательное «Д.». Но всякий раз, когда мистер Джеймс Диллингем Янг приходил домой и поднимался наверх, его заключала в свои пламенные объятия миссис Джеймс Диллингем Янг, уже представленная вам как Делла. А это, согласитесь, весьма неплохо.

Наплакавшись, Делла припудрила щёки пуховкой. Затем подошла к окну и принялась уныло смотреть, как по серой ограде серого заднего двора крадёт серая кошка. Завтра Рождество, а у неё всего лишь доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Много месяцев она сэкономила каждый цент — и вот чего добилась. На двадцать долларов в неделю не разгуляешься! Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. Так оно всегда и бывает.



Всего доллар восемьдесят семь центов на подарок её Джиму! А сколько счастливых часов провела она в размышлениях о том, что бы ему преподнести! Что-нибудь полезное, но при этом дорогое и изысканное — словом, такое, что пусть и в малой степени, но заслуживало бы чести принадлежать её чудесному супругу.

Пространство между окнами было занято высоким зеркалом. Возможно, вам доводилось видеть зеркало в восьмидолларовой квартирке. Наблюдая своё отражение в тесной череде узких вертикальных полосок, очень худой и подвижный человек может составить себе довольно точное представление о том, как он выглядит. Будучи стройной от природы, Делла вполне овладела этим искусством.

Вдруг она метнулась от окна к зеркалу. Глаза её ярко сверкали, но румянец сбежал с лица в считанные секунды. Быстрым движением она распустила волосы, и те свободно рассыпались по плечам.









Следует отметить, что в семье мистера и миссис Янг было два сокровища, которыми они оба чрезвычайно гордились. Одно из них, золотые карманные часы, Джим унаследовал от своего отца, а тот — от своего. Другим были волосы Деллы. Если бы царица Савская жила в доме напротив, Делла непременно сушила бы свои волосы у окна просто ради того, чтобы перед ними поблёкли все драгоценности и украшения её величества. Если бы царь Соломон служил у них в подъезде консьержем и хранил в их подвале все свои несметные богатства, Джим, проходя мимо, обязательно проверял бы, который час, просто ради того, чтобы поглядеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

Итак, прекрасные волосы Деллы рассыпались по её плечам, мерцая и переливаясь золотистым водопадом. Длинною ниже колен, они словно окутали её блестящим плащом. И тут она снова нервно, стремительно подобрала их и заколола. Потом на несколько мгновений замерла в неподвижности, и на вытертый красный ковёр упали две-три слезинки.



Но вот сдёрнут с вешалки старенький коричневый жакетик; покинула свою полку старенькая коричневая шляпка. Взметнув юбкой и по-прежнему сверкая глазами, Делла выпорхнула из двери и сбежала по ступеням на улицу.

Вывеска, под которой она остановилась, гласила: «Мадам Софрони. Всевозможные изделия из волос».



Mme. Sofronie
HAIR GOODS of
ALL KINDS

HAIR GOODS
of ALL KINDS

HAIR GOODS
of ALL KINDS

HAIR GOODS
of ALL KINDS